

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАДАР»

ШТУРМАНА ВИКТОРА КОНЕЦКОГО

Составители кроссвордов эту фамилию зашифровывают просто: «Советский моряк и писатель». Действительно, ленинградец Виктор Викторович Конечкий — пишущий моряк и плавающий писатель, а это сочетание весьма редкое.

Книги Конечного убеждают: их автор всю жизнь верен этим двум профессиям. И все же любопытно, чему сам Конечкий отдает предпочтение, что он считает главным для себя? Этот вопрос и был первым при нашей встрече. Ответ оказался неоднозначным.

— Профессия судовой лодки, — говорит Конечкий, — единственное ремесло, которое я знаю в своей жизни, и думаю, что знаю достаточно хорошо. За 15 лет, проведенных непосредственно в море, по моей вине не было ни одной аварии. Однако моя морская биография теснейшим образом связана с литературой.

Тридцать лет назад Виктор Конечкий, выпускник высшего морского училища, получив диплом штурмана, ушел в свое первое плавание. В том рейсе в его служебной «Записной книжке штурмана» наряду с навигационными сведениями появлялись и совсем не относящиеся к делу записи: «Упорство — вот тайна писательского мастерства, как и всего остального. Джек Лондон». Эта строка выдавала большой интерес молодого моряка к литературному творчеству. Она же уже тогда, пожалуй, определила для Конечного и метод достижения цели: он не стал терзать себя мыслями о выборе пути, а с азартом первопроходца ринулся вперед, отмеряя сразу и мили, и строки.

Морскую службу новопеченный штурман постигал в Заполярье на спасательном буксире. Однажды он и сам чудом не погиб, лежа в ночной тьме на киле перевернутого рыбацкого траулера. А вскоре снова испытал судьбу: в ранге капитана взялся провести сквозь льды Арктики на Дальний Восток небольшой сейнер. И провел.

Вернулся на Баренцево море все с тем же штурманским журналом, в котором суждения литературных авторитетов дополнились собственными впечатлениями,

мыслями, стихами, набросками сюжетов. А затем моряк привычно проявил характер: написал 22 варианта первого рассказа — истории любви седого капитана и молодой художницы.

В 1957 году Виктор Конечкий был уже автором двух сборников рассказов, а еще через три года он написал и первую свою повесть — «Завтрашние заботы».

Героями его первых книг были люди в морской форме, в большинстве своем повести авторы — из поколения «не воевавших, но хлебнувших». Трудная, полная кризисных ситуаций морская работа заставляла их действовать жестко и решительно, что вполне отвечало желанию молодых познавать мир через поступки. Со страниц книг эти мужественные, вызывающие симпатию мужчины, которых отличали верность служебному долгу, чувство товарищества, склонность к юмору, довольно быстро переселялись на киноэкраны, что, казалось бы, гарантировало их создателю счастливую литературную судьбу.

Но подобная «формула успеха» оказалась не для Конечного. В 1969 году он написал повесть «Соленый лед», в которой нет героических историй, сильных характеров, сюжетных схем. Главным героем книги стал сам автор, рассказавший о своем очередном рейсе. Погружаясь в эту книгу, читатель ощущает себя собеседником очень интересного человека.

Чем объяснить обращение к подобному жанру?

Конечкий так отвечает на этот вопрос.

— Со временем я стал тяготиться литературным моделированием жизни и ощутил потребность в доверительном разговоре с читателем, желание разобратся в пережитом, не выдумывая сюжетных линий, а просто писать о том, что и как вижу. Это великолепно умел делать мой любимый Чехов.

— И все же Чехов работал в классических жанрах рассказа, повести, пьесы. У вас же — смесь дневника, документа с вымыслом. Как вы сами определяете этот жанр?

— Я называю свои книги последних лет путевой прозой. В них действительно

есть черты путевого дневника: точные даты, географические названия, цитаты из документов, упоминание известных личностей. Но документ молчит без авторского к нему отношения, без художественного осмысления реальности. И здесь на правах автора я беру инициативу на себя: описываю не столько плавание по морю, сколько путешествие по жизни, во времени. Море при этом остается привычным фоном повествования.

По сути, — продолжает Конечкий, — путевая проза — это исповедь человека, отправляющегося в новую дорогу и в конце книги завершающего свой маршрут. А чтобы облегчить себе задачу самоанализа, я ввожу в повествование и вымышленных героев. Но стараюсь делать это так, чтобы не исказить картину жизни.

Маршруты плаваний уводят штурмана Конечного к берегам Африки, Южной Америки, Антарктиды. Это обычные рейсы торговых и экспедиционных судов. Но каждый из них прожит Виктором Конечным как бы дважды: сначала в пути, на капитанском мостике, а затем — в Ленинграде, в тиши домашнего кабинета. В итоге рождаются новые книги путевой прозы — «Среди мифов и рифов», «Морские сны», «Начало конца комедии», «Путевые портреты с морским пейзажем», «Вчерашние заботы», «Третий лишний».

Эти книги выходят сотнями тиражами, но с полок магазинов исчезают за считанные часы. В библиотеках за книгами Конечного устанавливаются очереди. Единственное место, где я увидел их собранными вместе, — подлка в доме самого писателя: более двадцати русских изданий стоят рядом с изданиями на многих европейских языках.

Переводчики давно держат в поле зрения прозу Конечного. Краткость его фразы, легкость стиля, четкость мысли, общепонятность юмора — все это, безусловно, способствует успеху перевода. Но главное, пожалуй, в другом: писатель Конечный необычайно интернационален по своим взглядам. Думается, что способствовала этому и его мор-

ская профессия — интернациональная по самому своему духу.

Конечкий говорит мне: — Я глубоко убежден, что нет народов великих и невеликих. Есть большие и малые страны, многочисленные и малочисленные нации. Каждая из них по-своему интересна, каждая имеет неповторимую историю и культуру, чувство собственного достоинства и требует уважения к себе.

Конечкий много пишет о вечных нравственных ценностях: о необходимости помнить о прошлом, о ненависти к войне, о бездушном рационализме в науке, о чувстве ответственности, о любви, о честности перед самим собой...

— Что нового мы вскоре прочтем у Конечного? — спрашиваю писателя.

— Новая книга называется «Пришла пора таких забот». Это нечто вроде эссе-размышления о литературе, искусстве, об их роли в жизни.

— Судя по заглавию, это что — подведение итогов? Кстати, вспоминаю и не слишком оптимистичный заголовок вашей предыдущей повести — «Третий лишний»... Как объяснить такое настроение?

— В последнем плавании переоценил свои силы, — спокойно объясняет писатель. — Одним махом сошел в Антарктиду и в Арктику. Конечный больничей. Там и понял, что в пятьдесят лет надо не океаны покорять, а начать анализировать пройденный путь, искать новые дороги. Кажется, в моей морской биографии поставлена точка...

— И что же дальше? — Странствие по океану жизни. Что касается литературы, то и здесь нельзя топтаться на уже обжитом рубеже. Хочу попробовать свои силы в драме. Не дает покоя и мысль о семейной хронике — есть очень интересный материал. Но как подумаю, что начинать надо с конца прошлого века, — оторопь берет: хватит ли сил на такую работу? И потому какой-то бес внутри все шепчет: «Ты должен просто рассказать то, что видел в море и что знают немногие, а ты видел».

Ю. ШНИТНИКОВ.